

Джамиль Гасанлы: Фактор Энвер-паши в осложнении российско-турецких отношений накануне Карсской конференции

Летом 1921 года война за независимость Турции против объединенных сил Антанты вступила в решающую стадию. Поражение армии ВНСТ в июле на линии обороны Афонкарахисар-Кютахья-Эскишехир от греков подтолкнуло руководство Советской России к тайным переговорам с находившимся на территории России бывшим военным министром Высокой Порты Энвер-пашой, который, в случае провала Мустафы Кемаль-паши, рассматривался Москвой в качестве альтернативы ему. В начале августа с благословения Москвы Энвер-паша во главе небольшой группы тайно прибыл в Батум для дальнейшей переправки в Турцию. Халил-паша в своих мемуарах пишет: "В Батуме перед парком у моря для нас был приготовлен дом. В первый же день мы познакомились с товарищем Гольцманом, работавшим здесь в качестве представителя Москвы. Однажды он явился ко мне и сказал: "Энвер-паша тайно прибыл в Батум и этой ночью в тайне от всех он навестит Вас" (Halil Paşa. *Bitmeyen Savaş*. İstanbul, 1972, S.358). Присутствие в Батуме в те же дни бывшего командующего 6-й Османской армией в Месопотамии Халил-паши усиливало подозрения кемалистской Турции в том, что русские тайно работают с иттихадистами. На страницах европейских газет распространились слухи, что сторонники Энвер-паши перенесли центр своей деятельности из Баку в Батум. По этому поводу английская газета "Times" писала, что именно Советская Россия стоит за возможными действиями Энвер-паши против Анкары (Ali Fuat Cebesoy. *Moskova Hatıraları. Milli Mücadele ve Bolşevik Rusya*. İstanbul, 2002, S.258).

Из переписок большевистских лидеров становится ясно, что Энвер-паша тайно прибыл в Батум по "плану" Г.Чичерина и об этом знало только высшее руководство Советской России. Удивительно, что негласный "хозяин" республик Южного Кавказа Серго Орджоникидзе не был даже информирован об этом и в зашифрованной телеграмме от 18 августа И.Сталину выражал свое недоумение по поводу столь "тесных связей" наркоминдел с Энвер-пашой. Он запрашивал, насколько целесообразен приезд Энвер-паши и Халил-паши в момент, когда идет смертельная война с греками и на кону стоит судьба кемалистов? (Зашифрованная телеграмма Г.Орджоникидзе И.Сталину. 18.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). В телеграмме от 26 августа В.Ленину, И.Сталину и Г.Чичерину Серго Орджоникидзе признавал политическое значение фигуры Энвер-паши для Советов, но считал, что нынешний его приезд в Батум делает столкновение с турками неизбежным. Он писал: "На днях к Энверу приезжали из Анатолии и, по его словам, спрашивали: "Раз ты идешь, значит Россия поддерживает тебя, но не

значит ли это, что у нас начнут хозяйничать коммунисты, тебя мы поддержим, но с коммунистами беспощадная борьба". Энвер ответил: "Не знаю, да это и неважно, важно только чем закончится. Я в эту историю не вмешиваюсь, да теперь это и поздно (боюсь, что о его пребывании в Батуме уже знают). На днях у них предполагается конференция. Там имеется у нас человек, который информирует нас. Буду (Мдивани - Дж.Г.) считает, что сейчас этого не надо было делать, и Энвера следовало отозвать" (Телеграмма Г.Орджоникидзе В.Ленину, И.Сталину и Г.Чичерину. 26.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Ознакомившись с телеграммой руководителя Кавбюро ЦК РКП (б), И.Сталин пишет наркоминделу Г.Чичерину: "Я читал телеграмму Орджоникидзе, по которой этот последний убеждал Энвера выехать вместе с ним в Москву, а Энвер не согласился. Вполне возможно, что Вы правы, и Энвер теперь там необходим. Что ж... пусть орудует" (Записка И.Сталина Г.Чичерину. 13.09.1921 // Коллекция документов РГАСПИ)

Переписка Энвер-паши с Центральным Комитетом партии "Единение и прогресс" перехватывалась российским посольством в Анкаре. ЦК предупреждал рядовых членов партии быть осторожными с Кемалем, и не повторять неудачного опыта компартии. Энвер-паша рекомендовал иттихадистам продолжать войну, несмотря на невзгоды. Он считал, что только таким путем можно будет предотвратить реализацию навязанного Западом разваливающейся Османской империи унижительного Севрского договора (Телеграмма С.Нацаренуса Г.Чичерину. 28.09.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). И действительно, Энвер-паша, заявивший о целесообразности своего возвращения в Турцию, был готов на моторной лодке добраться до черноморского побережья Анатолии. Однако в последний момент его отговорил Халил-паша: "Не считаю правильным твою поездку в Турцию. Если хочешь знать правду, то в такой ситуации твои сторонники и последователи Мустафы Кемалья рассорятся и разойдутся. И тогда на греческом фронте народ окажется в состоянии разброда, а из-за личной прихоти родине будет нанесен непроправимый удар" (Taylan Sorgun. Halil Paşa. İttihad ve Terakki'den Cumhuriyet'e Bitmeyen Savaş. İstanbul, 2010, S.266-267). Тем не менее, советская дипслужба в Анкаре поддерживала тесные отношения со сторонниками Энвер-паши, которых считала "союзниками" в политических кругах Турции (Телеграмма С.Нацаренуса Г.Чичерину. 06.10.1921 // Коллекция документов РГАСПИ)

Появление Энвер-паши в Батуме вынудило кемалистов быть более осторожными. Они в срочном порядке взяли под контроль все советские дипломатические учреждения в Анкаре и во всех городах черноморского побережья, стали серьезно досматривать российские корабли, прибывающие в турецкие порты и даже подвергали временному аресту экипажи некоторых судов.

Мустафа Кемаль-паша был сильно обеспокоен двойной игрой российской стороны, усматривая в ней провокационный характер. Он даже откровенно заявил послу большевистской России в Анкаре С.Нацаренусу: "Если Россия хочет советизировать Турцию, то легче это сделать через мое посредство, чем через Энвера" (Главнейшие моменты в политической жизни Турции // Коллекция документов РГАСПИ). Действительно, еще весной 1921 года советский дипломатический представитель в Анкаре Я.Упмал-Ангорский пытался убедить Мустафу Кемаль-пашу, что дружеское отношение Советской России к Турции проходит через коммунизацию Турции. С учетом этого, Кемаль-паша разрешил создание подконтрольной ему организации - Турецкой Народной Коммунистической Партии" (ТНКП). Однако по ходу дальнейших событий, когда Г.Чичерин объяснил, что Россия не испытывает острой потребности в коммунизации Турции, ТНКП, созданная с санкции М.Кемаль-паши, также по его распоряжению была распущена. Впрочем, российские большевики скептически относились к "преданности" М.Кемалю делу коммунизма. Президиум Совета Народов Востока считал, что правительство Мустафа Кемалю "под флёрком коммунизма" ведет разведывательную работу (См. Доклад Коммунистической Фракции Совета Пропаганды и Действия Народов Востока. 20.03.1921 // Коллекция документов АВП РФ).

В августе 1921 года турецкий посол в Москве Али Фуат-паша во время двух встреч с Г.Чичериным открыто изложил позицию Анкары. Вручая подписанный 4 августа министром иностранных дел Турции Юсуфом Кемаль-беем меморандум, Али Фуат-паша сказал: "Когда в июле назревала победа армии греков, вы прислали Энвер-пашу с товарищами (имеется в виду их тайный приезд в Батум - Дж.Г.), обеспечив его поддержкой и средствами, чтобы создать в Анатолии новое правительство вместо нашего кабинета и Великого Национального Собрания Турции, которым, как вам казалось, грозил полный крах. И все это предпринималось втайне от нас. Что же вы собирались предпринять с Энвер-пашой?". Вначале Г.Чичерин отрицал какие-либо совместные действия Энвер-паши и Советской России против кемалистской Турции, но под напором неопровержимых фактов ему пришлось отступить. Действия Москвы он мотивировал тем, что Энвер-паша возглавляет партию, имеющую достаточно сторонников в Турции, и Россия не может отказаться от контактов с ним. Г.Чичерин даже не исключал возможность прихода Энвер-паши к власти, и это обстоятельство требовало более уважительного к нему отношения: "Энвер-паша стоял во главе людей, создавших турецко-русские дружественные отношения". Возражая наркоминделу России, Али Фуат-паша заметил, что "еще неизвестно, что ждет Энвер-пашу по возвращении в Турцию. Энвер-паша был военным министром и заместителем главнокомандующего в правительстве, проигравшем Мировую войну. Мне хорошо известна личность Энвер-паши. Не думаю, чтобы он вновь

вмешался в политику, пока не отчитается за прошлые деяния". Завершая свое заявление, Али Фуат-паша вновь призвал Москву уважительно отнестись к договору, подписанному двумя странами в марте 1921 года. (Ali Fuat Cebesoy. Moskova Hatıraları. Milli Mücadele ve Bolşevik Rusya. İstanbul, 2002, S.257-259). Али Фуат-паша не преминул также напомнить, что Россия не выполняет свои обязательства по поставкам Турции оружия и выплаты денег, что советские учреждения на Кавказе и на Черноморском побережье отказываются пропускать в Турцию грузы с оружием. Начиная с мая месяца, Али Фуат-паша обрушился на Российский НКВД нотами о необходимости соблюдения договоренности о военно-технической и финансовой помощи для успеха летней военной кампании, но серьезных подвижек в этом направлении так и не добился. Турецкий посол напомнил, что если эта помощь поступит после решающих сражений, то грош ей цена (Нота Али Фуат-паши Г.Чичерину. 15.05.1921//АВП РФ). В инструкции, отправленной из ВНСТ послу в Москве, было сказано: "Правительство Великого Национального Собрания Турции получило из России только ничтожную часть материальной помощи, которую оно надеялось получить от нее, и было крайне трудно для правительства Великого Собрания показать турецкому народу эту часть помощи, полученной от нашей великой и могущественной союзницы" (Инструкция правительства ВНСТ Али Фуат-паше. 25.05.1921//АВП РФ). Этот открытый дипломатический демарш турецкого посла заметно обеспокоил руководство Советской России. Недовольство Турции Россия пыталась затушевать видимостью подготовки конференции в Карсе, о которой уже ходили различные слухи.

14 сентября Г.Чичерин информировал И.Сталина о встречах с Али Фуат-пашой, особенно о требованиях по поставкам оружия и денег, а также о ноте Юсуфа Кемаль-бея по этому же вопросу. Он сообщил о резкой смене ситуации на греческом фронте в пользу турок, отходе греков с занимаемых позиций и острой потребности кемалистов в финансовой помощи. Подметив в ноте Юсуфа Кемаль-бея также элементы шантажа, Г.Чичерин писал: "Судя по последним телеграммам, отступление греков принимает характер панического бегства, и мы можем ожидать поворота назад колеса судьбы" (Письмо Г.Чичерина И.Сталину. 14.09.1921//РГАСПИ). В ночь с 16 на 17 сентября Али Фуат-паше удалось встретиться с народным комиссаром по делам национальностей И.Сталиным, к которому, по негласно сложившейся практике, он обращался в моменты, когда возникала напряженность в сношениях с НКВД. Как раз в те дни турки праздновали большую победу под Сакарией, в результате чего была разбита греческая армия, а главнокомандующий войсками греков в Малой Азии Николаос Трикупис был взят в плен. И.Сталин проявил хорошее знание обстановки на театрах военных действий турецкой армии, его интересовали причины поражений под городами Эскишехир и Кютахья, подробности успехов под Сакарией.

Отдельной темой встречи И.Сталина и турецкого посла были турецко-французские переговоры, породившие вопросы в Москве. Дело в том, что сразу после окончания Лондонской конференции глава делегации анкарского правительства Бекир Сами-бей выехал в Париж, где к этому времени находились также представители кавказской эмиграции. В 20-х числах марта, когда перспектива ратификации ВНСТ франко-турецкого и итало-турецкого договоров казалась реальной, по инициативе премьер-министра и министра иностранных дел Франции Аристида Бриана в Париже состоялась серия неофициальных консультаций между кавказцами и Бекир Сами-беем. Желая помешать ратификации Московского договора, МИД Франции, как страны наиболее заинтересованной в достижении компромисса с Анкарой во имя разрыва отношений кемалистов с большевиками, согласился взять на себя роль посредника в этом деле. (См.: G.Mamoulia. Les Combats Independantistes des Caucasiens entre URSS et Puissances Occidentals. Le cas de la Georgie (1921-1945). L'Harmattan, 2009, P. 38). Али Фуат-паша подробно ответил на все вопросы, иллюстрируя свои пояснения на карте Анатолии, "любезно" прихваченной И.Сталиным. Он объяснил, что переговоры с французами не направлены против русских, а преследуют цель внести разлад между двумя грозными врагами Турции: "Мы знаем, что вы враждуете с французами. Однако они понимают тщетность каких-либо действий против вас совместно с нами, поэтому даже не предлагают нам это. В принципе, это и составляет смысл турецко-французского соглашения". Выслушав объяснения Али Фуат-паши, И.Сталин сказал: "Будьте уверены, что лично меня ничуть не беспокоит турецко-французское соглашение. Но Комиссариат иностранных дел представил комментарии, действительно способные посеять панику" (Ali Fuat Cebesoy. Moskova Natıraları. Milli Mücadele ve Bolşevik Rusya. İstanbul, 2002, S.257, 275-277).

17 сентября Али Фуат-паша направил Г.Чичерину личное письмо, в котором были изложены различные спорные вопросы русско-турецких отношений, политическое положение в Турции, военная ситуация на греческом фронте, экономическое положение в Анатолии. Посол Турции в Москве предлагал, чтобы в условиях, когда произошел перелом на греческом фронте, приступить к совместному изучению всех сторон современной политической жизни и проводить регулярные консультации по всем вопросам в духе Московского договора (Личное письмо Али Фуат-паши Г.Чичерину. 17.09.1921// Коллекция документов АВП РФ).

В те же сентябрьские дни министр иностранных дел кемалистской Турции Юсуф Кемаль-бей также направил наркоминделу большевистской России Г.Чичерину письмо, в котором отмечал, что целый ряд проблем наносит серьезный вред русско-турецким отношениям, и на первом месте стоит покровительство Москвой некоторых высокопоставленных турецких представителей, бежавших из страны. Следующим по значимости Юсуф Кемаль-бей поставил беспокойство, которое

причиняют Турции некоторые советские агенты на Кавказе и приготовления в Грузии, еще более усилившиеся с началом греческого наступления. На третьем месте стоят слухи о близких русско-греческих торговых переговорах, которые будут иметь негативное влияние на турецкое общественное мнение. Резюмируя свои рассуждения, турецкий министр предостерегал: "Иначе наши враги будут стараться прервать переговоры для разрешения Восточного вопроса, поставленного на основании крепкого турко-русского соглашения, без которого попытки западных держав победить нас в отдельности, отдалить от наших военных целей путем предоставления нам важных уступок, могли бы иметь успех" (Письмо Юсуф Кемаль бея Г.Чичерину. Сентябрь, 1921 // Коллекция документов АВП РФ).

Уже 22 сентября советский посол в Анкаре С.Нацаренус сообщил Г.Чичерину, что блестящая победа Мустафы Кемаль-паши над греками подняла его авторитет в стране на небывалую высоту. "Эта победа является крупнейшим успехом М.Кемалья", - писал советский посол из Анкары (Письмо С.Нацаренуса Г.Чичерину. 22.09.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Начиная с лета 1921 года, в мировой прессе стали появляться хвалебные статьи о Мустафе Кемаль-паше. Американская газета "Philadelphia Public" сравнила его с Джорджем Вашингтоном. Мало того, под портретом Мустафы Кемаль-паши стояла подпись "Это - турецкий Джордж Вашингтон", а портрет сопровождала надпись "Американский Мустафа Кемаль" (Справка отдела информации НКВД Азербайджана. 25.07.1921 // Коллекция документов ГААР).

В конце сентября 1921 года наркоминдел Г.Чичерин отправил Мустафе Кемаль-паше телеграмму с поздравлениями по поводу блестящей победы над греками. Через советского посла С.Нацаренуса 29 сентября в Москву доставили ответ М.Кемаль-паши в котором, в частности, говорилось: "Ваши поздравления тем более тронули меня, что они исходят от имени трудящегося народа Советской России, который в самые тяжелые минуты не поколебался признать правоту нашего дела и законность борьбы, которую турецкий народ ведет за свою свободу и независимость" (Телеграмма Мустафы Кемаль-паши Г.Чичерину. 29.09.1921 // Коллекция документов АВП РФ).

На вопросы, поднятые в меморандуме Юсуф Кемаль-бея и личном письме Али Фуат-паши, российская сторона ответила очень поздно, когда конференция в Карсе приближалась к концу. В пространном письме Али Фуат-паше от 10 октября Г.Чичерин пытался развеять сомнения Анкары и отметил, что правительство Турции несколько раздувает опасность пребывания в России турецких политических кругов, не входящих в правящую элиту. Он решительно заявил: "Я могу вам категорически заявить и решительным образом опровергнуть всякое противное утверждение, что никакая помощь или содействие не были оказаны Русским правительством политическим лицам или политическим движениям,

враждебным настоящему правительству Турции. Строго примыкая к принципу невмешательства во внутренние дела Турции, мы считаем, что борьба партий в Великом Национальном Собрании нас не интересует". Что касается опасения турецкого правительства относительно якобы имевших место передвижения подразделений Красной Армии в Республиках Кавказа или враждебных действий со стороны этих республик против Турции, то Г.Чичерин настаивал, что они безосновательны. Он писал: "Договор между Турцией и Кавказскими республиками, который в ближайшем будущем должен быть подписан в Карсе, будет лишним элементом для утверждения и укрепления наших дружеских отношений" (Письмо Г.Чичерина Али Фуат-паше. 10.10.1921// Коллекция документов АВП РФ).

Следует отметить, что нарком Г.Чичерин не был искренен в своих заверениях. Длительное затягивание с ответом до 10 октября было связано в первую очередь с тем, что только 3 октября он получил от С.Нацаренуса зашифрованное донесение о том, что Франция и Турция пришли к секретному соглашению касательно России, суть которого состояла в том, что турки формально оставляют в силе подписанный с Россией договор, но должны искать повод для его расторжения. Кроме того, он добавил, что, по условиям подписанного секретного соглашения, Анкара обязалась поддерживать бывшие кавказские правительства в их борьбе с новыми советскими республиками Южного Кавказа. (Зашифрованная телеграмма С.Нацаренуса Г.Чичерину. 03.10.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Блестящие победы кемалистов над греками в самом начале осени и последовавшее затем подписание 20 октября 1921 года в Анкаре договора между правительствами ВНСТ и Франции, по которому Париж официально признал новую Турцию, усилили позиции Мустафы Кемаль-паши и внесли существенные изменения, как в планы Москвы, так и Энвер-паши. В новых условиях Энвер-паша осознал, что его возвращение в Анатолию будет иметь нежелательные последствия и отказался от этой идеи. Таким образом, сорвались планы некоторых кругов Советской России, пытавшихся накануне Карсской конференции ослабить позиции Мустафы Кемаль-паши путем засылки Энвер-паши в Анатолию.

Джамиль Гасанлы: Почему Армянская ССР не была приглашена на Карсскую конференцию 1921 г.?

После апрельских переговоров 1921 года в Баку и Тифлисе, которые провела турецкая делегация, возвращающаяся из Москвы после подписания договора с Советской Россией, Турция потеряла надежду на оформление юридических договоренностей с государствами Южного Кавказа в отдельности, так как они находились под плотным контролем Москвы и были лишены возможностей вести самостоятельную политику. Согласно установке Москвы, речь могла идти только о подписании с Турцией консолидированного договора южно-кавказских республик.

Поэтому предстоящую конференцию вновь образованные советские республики Южного Кавказа рассматривали как прямое продолжение Московской конференции, и в лучшем случае ожидали, что на ней они признают Московский договор, как международно-правовой документ. (Письмо Б.Леграна Г.Орджоникидзе. 29.06.1921// Коллекция документов РГАСПИ). В целях выработки согласованной линии поведения народные комиссары иностранных дел всех трех республик 7 мая 1921 года были вызваны Кавказским Бюро ЦК РКП(б) в Тифлис. В этих обсуждениях вместе с М.Д.Гусейновым Азербайджан представлял и полпред в Москве Б.Шахтагинский. На заседании под председательством Г.Орджоникидзе и Б.Леграна было принято решение всем трем республикам Южного Кавказа на предстоящей конференции выступать с единых позиций. В решении указывалось, что основу переговоров с Турцией и готовящихся договоров должен составлять Московский договор (Заседание представителей республик Южного Кавказа по поводу переговоров с Турцией. 07.05.1921 // Коллекция документов ГААР). Эти решения легли в основу ноты, врученной наркомом Г.Чичериным турецкому послу Али Фуат-паше в Москве. По его мнению, договор должен быть подписан не только между Турцией и Азербайджаном с Грузией, но всеми тремя Кавказскими республиками, включая Армению. Этот договор должен дополнить договор, заключенный в Москве 16 марта 1921 г. (Нота НКВД РСФСР Послу Турции в Москве Али Фуат-бею. 13.06.1921 // Документы внешней политики СССР. Т. IV, М., 1960, С.176-177).

Еще во время переговоров в Баку и Тифлисе турецкая сторона добилась устного согласия Азербайджана и Грузии на проведение будущей конференции в Карсе, что, как известно, стоило азербайджанскому руководству серьезного порицания из Москвы за "проявленную самостоятельность". Однако после возвращения на родину Юсуф Кемаль-бей был назначен министром иностранных дел и стал настаивать на переносе места проведения конференции в Анкару. 1 июля он направил М.Д.Гусейнову телеграмму, в которой говорилось: "Для разрешения всех вопросов, существующих между братской Азербайджанской Республикой и Правительством Великого Национального Собрания Турции, для упорядочения и установления сношений и, наконец, для обсуждения сторонами таких обстоятельств, как взаимное поручительство сторон в вопросах, имеющих отношение к Азербайджану и затронутых в Московском договоре, заключенном между Турцией и Россией, я, как это уже известно Вам из разговора в Баку с нашей делегацией, прошу назначить на конференцию Ваших делегатов". В той же телеграмме Юсуф Кемаль-бей писал, что в связи с назначением на пост министра иностранных дел он не может на длительное время покинуть столицу и предложил провести предстоящие переговоры не в Карсе, а в Анкаре. (Телеграмма Министра Иностранных Дел Правительства ВНСТ Юсуфа Кемаль-бея Народному Комиссару Иностранных Дел Азербайджанской ССР М.Д.Гусейнову. 21.07.1921// Документы внешней политики СССР. Т. IV, М., 1960, С.228)М.Д.Гусейнову). Эту телеграмму Юсуф Кемаль-бея доставил М.Д.Гусейнову дипломатический представитель Турции в Азербайджане Мемдух Шевкет-бей. Полученную телеграмму

наркоминдел Азербайджана немедленно переслал Г.Чичерину (Телеграмма М.Д.Гусейнова Г.Чичерину. 05.07.1921 // Коллекция документов ГААР).

Аналогичную телеграмму-приглашение Юсуф Кемаль-бей отправил также в адрес НКВД Грузинской ССР. Приглашение правительству Армянской ССР принять участие в работе конференции, созываемой в Карсе, Анкара не направляла. В связи с этим Полномочный представитель Советской России в Анкаре С.Нацаренус писал Г.Чичерину: "Однако Армении не было послано непосредственно приглашения на том основании, что она должна была бы, как отвергнувшая Александропольский договор, заключенный Турцией с бывшим правительством Армении, первая заявить о своем желании вновь вступить с Турцией в договорное отношение" (Доклад Полномочного представителя РСФСР в Анкаре С.Нацаренуса Г.Чичерину. 14.07.1921 // Коллекция документов АВП РФ)

В связи с предстоящей конференцией, 9 июля Юсуф Кемаль-бей направил Г.Чичерину зашифрованную телеграмму, в которой говорилось: "В целях урегулирования всех неразрешенных вопросов между Турцией и Транскавказскими государствами и чтобы отметить имеющихся быть заключенными с каждым из них договором постановлений Московского договора, касающихся их, правительство мое ныне попросило правительства этих государств назначить их делегатов на конференцию, на которой все эти вопросы будут изучены и разрешены. Мое правительство было бы очень счастливо, если бы Советское правительство также согласилось послать своих делегатов на эту конференцию". Что касается места проведения конференции, то Юсуф Кемаль-бей, припоминая период подготовки к Московской конференции, писал: "Ввиду того, что мое правительство в свое время поспешило согласиться на Ваши заявления от 19 декабря 1920 года, касательно переноса заседания из Баку в Москву, то я был бы лично очень признателен, если бы Вы употребили Ваше влияние на Транскавказские Советские республики, дабы предполагаемая конференция была назначена не в одном из городов восточной Анатолии (в Карсе - Дж.Г.), как это было обусловлено словесно между мной и правительственными лицами Азербайджана и Грузии, а в самой Ангоре. Поводом для этой просьбы служат те же данные Вашей телеграммы от 19 декабря 1920 года" (Зашифрованная телеграмма Юсуфа Кемаль-бея Г.Чичерину. 09.07.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Однако Москва не согласилась перенести конференцию в Анкару. 8 августа Г.Чичерин подтвердил согласие участвовать в конференции Турция-Кавказ и сообщил об этом Али Фуат-паше. Он также подтвердил приверженность ранее согласованному месту ее проведения в Карсе и просил уточнить дату ее проведения (Нота НКВД РСФСР Послу Турции в Москве Али Фуат-паше. 08.08.1921 // Коллекция документов АВП РФ).

Действовавшие в российском фарватере республики Южного Кавказа заняли аналогичную позицию, то есть придерживались, принятого в апреле 1921 года в Баку и Тифлисе решения провести конференцию в Карсе. 21 июля М.Д.Гусейнов сообщил Юсуф Кемаль-бею, что "еще в Вашу бытность в Баку, обсуждая те или

иные вопросы, связанные с заключением договора, я настаивал на созыве конференции или в Баку, или в Тифлисе, вы же выражали желание иметь местом созыва конференции Карс. Как тогда, так и теперь ввиду большого значения для нас иметь постоянную телеграфную связь с нашими правительствами я был бы счастлив, если бы Вы и Ваше правительство изъявили согласие на созыв конференции в Баку. Но при условии, что мы имели бы прочную и постоянную связь с нашими правительствами, я не возражал бы против Карса, как места созыва конференции и возложил бы на себя обязанность получить согласие своих товарищей. Ценя Ваши добрые отношения к Советским Республикам и искренне желая Вашего присутствия в составе турецкой делегации на Турецко-Азербайджано-Грузино-Армянской Конференции, я, к сожалению, все ж таки не могу дать свое согласие на созыв конференции в Ангоре" (Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел Азербайджанской ССР Комиссару Иностранных Дел Правительства ВНСТ Юсуфу Кемалю-бею. 21.07.1921// Документы внешней политики СССР. Т. IV, М., 1960, С.227). Одновременно и НКВД Грузии 31 июля направил Турции ноту, в которой отказывался от проведения конференции в Анкаре, но предлагал провести ее в Батуме. Потеряв время на бессмысленную переписку, Анкара 26 августа приняла решение провести конференцию в конце сентября в Карсе (Телеграмма С.Нацаренуса Г.Чичерину. 27.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Как было выше отмечено, первоначально Армянская ССР не была правительством Турции официально приглашена на конференцию. Анкара исходила из того, что поскольку новые власти в Армении после ее советизации не признали Александропольский договор дашнакского правительства с Турцией, то инициатива участия в конференции и предложение о новом договоре должны были исходить от Эривани. По мнению турецкой стороны новый договор в любом случае должен был включить в себя отказ Армении от претензий на Карс, Ардаган и Артвин в пользу Турции, который был предусмотрен Александропольским договором (The Pan-Turanian Idea // National Archives and Records Administration USA, CIA-RDP 83, P. 97). Руководители Советской Армении прекрасно понимали, что из-за отсутствия механизмов реализации Севрского договора планам президента США Вудро Вильсона на создание Армянского государства на обломках Османской империи не суждено было сбыться, а начерченные его рукой границы той Армении так и остались на бумаге. К тому же война, развязанная дашнакской Арменией против Турции в сентябре 1920 года, привела к полному поражению и разгрому дашнакцаканов и поставила существование армянского народа под угрозу. Высказывая свое недовольство Московским договором, новые армянские руководители в тоже время отдавали себе отчет, что именно Советская Россия спасла их от этой угрозы и готовы были выполнить все ее пожелания на этапе подготовки к Карсской конференции (См.: The Boundary Between Turkey and the USSR. CIA/RR M-17. Secret. January 1952. // National Archives and Records Administration USA, CIA-RDP 79, P.8).

Наркоминдел РСФСР Г.Чичерин отправил телеграмму наркоминделу Армянской ССР А.Мравяну с рекомендацией обратиться к правительству Турции с "выражением желаяния" принять участие в конференции. 24 августа наркоминдел Армении А.Мравян отправил ноту на имя министра иностранных дел Турции Юсуфа Кемаль-бея, в котором говорилось: "Правительство ССР Армении считает своевременным окончательное урегулирование взаимоотношений между Советской Арменией и Турцией на прочных договорных основаниях. Вследствие тесной политической и экономической связи Закавказских Советских Республик между собой мы считаем целесообразным, чтобы договор между Советской Арменией и Турцией был разработан на созываемой в ближайшем будущем конференции между Турцией и остальными закавказскими Республиками с участием представителей РСФСР. Нахождение власти в руках, с одной стороны, Рабоче-Крестьянского Советского Правительства, а с другой стороны, Революционного Правительства Великого Национального Собрания Турции является простой гарантией того, что эти Правительства, свободные от тупого шовинизма и слепой взаимной ненависти своих предшественников, сумеют найти справедливое разрешение для всех вопросов, казавшихся для мудрой европейской дипломатии неразрешимыми, и сгладить таким образом следы той борьбы и взаимной ненависти двух соседних народов, искусно и злонамеренно подогревавшихся империалистической дипломатией. Самые насущные вопросы обеих сторон властно диктуют нам мирное сожительство и полное взаимное доверие" (Нота Народного Комиссара Иностранных Дел Армянской ССР Комиссару по Иностранным Делам Правительства ВНСТ Юсуфу Кемаль-бею. 24.08.1921 //Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV. С. 292). 29 августа Юсуф Кемаль-бей разослал Советской России и южно-кавказским республикам ноты с приглашениями принять участие на конференции в Карсе.

В летние месяцы 1921 года шла активная подготовка к Карсской конференции. В конце августа в беседе по прямому проводу с И.Абиловым, находившимся в Тифлисе, М.Д.Гусейнов предупредил, что в Карсе будут решаться серьезные вопросы, а потому нужно встретиться с Г.Орджоникидзе и убедить его, что Азербайджан должен быть представлен солидной делегацией. В то же время, он интересовался, кто же будет представлять Армению. По ходу беседы М.Д.Гусейнов сообщил И.Абилову, что если не будет другой кандидатуры, то вероятнее всего азербайджанскую делегацию возглавит он сам. (Разговор по прямому проводу М.Д.Гусейнова с И.Абиловым. Август, 1921 // Коллекция документов АПД УДП АР). 26 августа на заседании Бюро ЦК АКП(б) было принято решение руководителем делегации для подписания договора с Турцией назначить Б.Шахтагинского (Протокол №15 заседания Бюро ЦК АКП(б). 26.07.1921 // Коллекция документов АПД УДП АР). На кандидатуре Б.Шахтагинского остановились, во-первых, потому, что, как участнику Московской конференции, ему были известны все нюансы сложных и длительных российско-турецких переговоров, и, во-вторых, это было связано со сложившейся ситуацией вокруг Нахичевани. Несмотря на то, что в Московском договоре четко

был определен статус Нахичевани, правительство Армении не отреклось от своих претензий на этот край, и предпринимало различные провокационные шаги, чтобы дестабилизировать ситуацию.

За день до того, как Б.Шахтахтинский был назначен главой азербайджанской делегации, 25 августа на заседании Оргбюро ЦК АКП(б) была заслушана информация Д.Буниатзаде о неблагоприятной ситуации в Нахичевани. Обсуждение вопроса было передано в Бюро ЦК АКП(б), а Б.Шахтахтинскому поручили в ближайшие дни выехать в Нахичевань и изучить обстановку на месте (Протокол №10 заседания Оргбюро ЦК АКП(б). 25.08.1921 // Коллекция документов АПД УДП АР). Такое решение было связано с тем, что 22 августа Нахичеванский крайком подготовил обширный доклад о непрекращающихся вмешательствах правительства Армении в дела Нахичевани, которые легли в основу письма ЦК АКП(б) в Кавбюро РКП(б). В этом докладе отмечалось, что ЦК КП(б) Армении "все еще не может прояснить для себя линию поведения во взаимоотношениях с Нахичеванью", и поэтому даже по самым незначительным вопросам пытается вмешиваться во внутренние дела края. В докладе, в частности, отмечалось: "Туда из ЦК Армении был послан секретный сотрудник Саядян, который, называя себя заведующим Регистрационным отделом Армении в Нахичевани и сотрудником Кавроста, работает совершенно самостоятельно со своими сотрудниками на территории края, не признавая ни местного Комитета партии, ни местную советскую власть. 14 июля сего года ЦК КСМ Армении был назначен в Нахичеванский край ответственным секретарем Оргбюро Комсомола Нахичеванского края некий Риза Ахундов, который стал заниматься сообщением в ЦК Армении разных писем с извращенными фактами, с извращением истинного положения края, не входя ни в какое общение с местным Комитетом партии" (Письмо ЦК АКП(б) в Кавбюро ЦК РКП(б). Август, 1921 // Коллекция документов АПД УДП АР). В этом письме секретарь ЦК Азербайджанской КП(б) просил Кавбюро положить конец такому "ненормальному положению" и настаивал, что "ЦК Армении всякое свое мероприятие на территории Нахичевани должен проводить с ведома и согласия ЦК АКП". На самом деле, столь безапелляционное отношение к Нахичевани со стороны партийных и правительственных кругов Армении было обусловлено халатным и безразличным отношением Кавбюро ЦК РКП(б) к этому вопросу. Так, в первые дни сентября, обсуждая положение в Нахичевани, пленум Кавбюро принял решение доставлять в этот край помощь через Армению. Конкретно в решении было записано: "Предложить ЦК Армении отпустить 20.000 рублей золотом для Нахичеванского края.... Предложить ЦК Армении обратить самое серьезное внимание на помощь Нахичеванскому краю мануфактурой и денежными знаками" (Протокол № 20 заседания пленума Кавбюро ЦК РКП(б). 05.09.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Армянские политические круги настолько игнорировали основополагающие положения Московского договора касательно Нахичевани, что даже после вступления его в силу они в переписке с Москвой продолжали ссылаться на заявление Азревкома от 1 декабря 1920 года, озвученное под давлением С.Орджоникидзе.

Дипломатический представитель Армении в Баку А.Атабеков телеграфировал в Москву С.Тер-Габриэлян: "Турки совершенно не считаются с декларацией Азербайджана о присоединении Нахичевани (речь идет о декларации Азревкома от 1 декабря 1920 года - Дж.Г.), утвержденной Советской властью Армении (декрет Армревкома от 14 января 1921 года - Дж.Г.)" (Телеграмма Атабекова Тер-Габриэлян. 02.11.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Жесткая и непоколебимая позиция Турции по вопросу Нахичевани стала на долгие годы мотивацией ненависти к ней со стороны Армении, армянской диаспоры, а в дальнейшем - также акций армянской транснациональной террористической организации ASALA. (См:Worldwide Report Terrorism. FOUO 3/82. For Official Use Only. 21.06.1982 // National Archives and Records Administration USA, CIA-RDP 82, P. 23).

Турки были осведомлены о провокационной деятельности Армении против Нахичевани и их очень беспокоило, что, вопреки Московскому договору, Советская Россия закрывает на это глаза. В августе 1921 года турецкий посол Али Фуат-паша довел негодование Анкары до сведения наркома иностранных дел Г.Чичерина и даже задал прямой вопрос: "Мы слышали, что армяне хотят захватить Нахичевань. Это правда?" В ответ Г.Чичерин заявил, что у армян нет таких намерений (Ali Fuat Cebesoy. Moskova Hatıraları. Milli Mücadele ve Bolşevik Rusya. İstanbul, 2002, S.259-260).

Руководство Советской России придавало серьезное значение определению своего представителя на конференции в Карсе. Еще в июле в докладе на имя Г.Чичерина полномочный представитель РСФСР в Анкаре С.Нацаренус писал: "Вопрос о русском представителе на этой конференции разрешен положительно, и Юсуф Кемаль-бей официально заявил, что Турецкое правительство не возражает против наличия на конференции нашего представителя; причем Юсуф Кемаль высказал пожелание, чтобы таким представителем был не Лэгран с его армянскими, по мнению турок, симпатиями, а кто-нибудь другой, наиболее желательным кандидатом, по мнению Мустафы Кемалья и Юсуф Кемалья, в качестве русского представителя был бы я, по мотивам, что как Московский договор, так равно и будущий Кавказский договор придется осуществлять в большей мере мне, а не кому-либо другому" (Доклад Полномочного представителя РСФСР в Анкаре С.Нацаренуса Г.Чичерину. 14.07.1921 // Коллекция документов АВП РФ). В письме Г.Чичерину И.Сталин предлагал, чтобы на Закавказско-турецкой конференции Россию представлял Шейнман, "других кандидатов для турок я не знаю" (Письмо И.Сталина Г.Чичерину. 30.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Однако чуть позже НКВД России остановился на полномочном представителе России в Латвии Якове Ганецком. Первое знакомство Я.Ганецкого с турецкими реалиями состоялось еще в феврале-марте 1918 году, когда он в составе делегации Советской России принял участие в Брест-Литовских переговорах.

В результате активной дипломатической переписки между Москвой и Анкарой открытие конференции в Карсе было назначено на 26 сентября. 21 сентября М.Д.Гусейнов послал Юсуфу Кемаль-бею телеграмму, в которой выразил согласие Азербайджана с датой открытия конференции и объявил о назначении Б.Шахтахтинского чрезвычайным и полномочным представителем Азербайджана (Телеграмма Наркома Иностранных Дел Азербайджанской ССР М.Д.Гусейнова Министру Иностранных Дел Правительства ВНСТ Юсуфу Кемаль-бею. 21.09.1921 // Коллекция документов ГААР). Копия этой телеграммы была отправлена А.Мравяну, которому еще 26 августа ЦК КП(б) Армении поручил заняться всеми вопросами касательно подготовки конференции в Карсе. Ему полагалось через Б.Леграна получить инструкции из Москвы и наладить связь с делегациями Азербайджана и Грузии (Протокол заседания ЦК КП(б) Армении. 26.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Подробности: <http://regnum.ru/news/1483286.html#ixzz1hPhVINaA>

Любое использование материалов допускается только при наличии гиперссылки на ИА REGNUM 24.12.2011